они хорошо знали о «перлюстрации» писем и старались по возможности обезопасить себя от всех подозрений.

Самые честные и бескорыстные люди, близкие Карамзину, как например А. М. Кутузов, были недовольны его издательской деятельностью потому, что не видели в ней общественной пользы. Кутузову казался журнал Карамзина недостаточно глубоким, а главное — недостаточно полезным. «За всякое праздное слово дашь ответ», — повторяет А. М. Кутузов в письме к А. А. Плещееву 7/18 мая 1791 г.[74] Он считает, что нужно писать только о «важных материях» и упоминает о' своем «философическом исследовании о причинах, приведших в ослабление любовь к отечеству в россиянах», работу над которым он оставил, не найдя в себе для этого высокого предмета «вдохновения свыше».[75]

Этот принцип «общественной полезности» во многом определяет для масонов и их литературные интересы, к характеристике которых мы переходим.

Художественные вкусы значительного круга масонов (особенно А. М. Кутузова) связаны с определенными темами и жанрами. Важно, чтобы «предмет» писателя был достаточно значителен и серьезен, а жанр соответствовал высокой теме.

Героический пафос характерен и для оригинальных сочинений масонов и их переводов. Именно А. М. Кутузов в 1785 г. переводит «Мессиаду» Клопштока.[76] Русским масонам было очень близко настроение немецкого поэта, который свою основную задачу видел в том, чтобы «нести свет в сердца людей».[77] У них было такое же понимание «чувства» — как чувства не интимного, частного, но грандиозного, простирающегося на все человечество.[78]

Ф. П. Ключарева, мало известного, не сравнимого по своему значению с Херасковым, но все же пользовавшегося некоторой славой в свое время, Н. М. Карамзин называл «ein philosophischer Dichter» («поэт-философ»).[79]

Вероятно, современники знал» гораздо больше сочинений Ключарева, чем известно нам сейчас. Но и по имеющимся материалам можно сделать некоторые выводы.

[74] А. М. Кутузов. Письма. — «Русский исторический журнал», 1917, кн. 1—2, стр. 132.

[75] Там же.

[76] Мессия. Поэма, сочиненная г. Клопштоком. Перевод с немецкого, чч. 1—2. Тип. Лопухина, М„ 1785—1787.

[77] В. П. Неустроев. Немецкая литература эпохи Просвещения. М., 1958, стр. 66.

[78] Мнение о Клопштоке как представителе прогрессивного направления в немецком сентиментализме подробно обосновано М. Л. Тройской в диссертации на степень доктора филологических наук «Сатира и сентиментально-юмористический роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» (Ленингр. гос. унив., 1963).

[79] Переписка Н. М. Карамзина с Лафатером. Сообщена Ф. Вальдманом, СПб., 1893, стр. 21.